

*26 октября 2072 года, Московская область,
тренировочный полигон секретного Центра подготовки
войск специального назначения Главного Разведывательного
Управления МО РФ, полдень.*

Кирпичный макет разбитой снарядами многоэтажки, возведённый в натуральную величину, занимал половину тренировочного сектора, предназначенного для отработки боевых действий в условиях города. Оставшаяся половина сектора была застроена такими же кирпичными макетами строений поменьше, имитируя плотную городскую застройку. Если не принимать во внимание крайне примитивную наружную отделку зданий, порядком раздолбанную пулями и осколками, то сам по себе данный городской квартал был вполне похож на некий кусок современных городских джунглей. Нынешние мегаполисы, воистину захватившие мир, назвать по-другому крайне сложно. Даже родной Архангельск, который Игорь не видел уже лет пять, за двадцать девять лет его жизни оброс небоскрёбами дважды, если не трижды. А про Москву даже говорить не приходится. Когда едешь по городу в такси, а не в подземке, создаётся ощущение, будто стоэтажных высоток в столице больше, чем людей.

Впрочем, Москву Игорь разглядывал лишь дважды, и оба раза из окна такси. И если этот адски вредный инструктор по боевой подготовке от него не отвяжется, то третий раз Москву придётся рассматривать из окна аэроэкспресса, везущего Игоря в аэропорт. Какого чёрта инструктор в него вцепился, словно питбуль в кошку, понять было решительно невозможно.

Среди остальных членов сводной учебной группы Игорь не был самым безнадежным. Да, некоторые молодые офицеры стреляли лучше, но, во-первых, не все, а во-вторых, с горной подготовкой у многих было ещё хуже, чем у Игоря.

Что неудивительно, потому что вся их сводная учебная группа — это военврачи. Военврачи, блин! А не лютые спецназовцы с десятилетним боевым опытом, каким, собственно, и являлся сам злобный инструктор. Из учебной группы Игоря воевать не приходилось никому, да и вряд ли теперь придётся — конфликт в Йемене подходит к завершению, и уже объявлено о сокращении российского воинского контингента, осуществляющего военную помощь одной из враждующих сторон. На африканском континенте и где-то в Азии идут ещё три или четыре мелких войны, но ни в одной из них Россия официально не участвует. Неофициально, конечно же, там хватает таких же вот на всю голову контуженных головорезов из секретных спецназов, как наш разлюбимый инструктор, но до тех пор, пока страна не объявит об официальном вступлении в конфликт, никто этого не признает и простых военных медиков туда отправлять не будут.

Однако инструктора по неким загадочным причинам данный факт ни на какие трезвые мысли не наводил, и все две недели, отпущенные на переподготовку, он гонял Игоря воистину с изощрённым садизмом, намертво цепляясь к каждой мелочи. Из-за чего приходилось проводить на полигоне ежедневно четыре часа сверхурочно. Головореза сие обстоятельство никак не тревожило, он явно воспринимал полигон как воплощение счастья и домой не торопился. Из чего несложно было сделать вывод, что инструктор семьи не имеет. Что вообще никак не удивляло, учитывая его злобный нрав и помешанность на войне. Головорез тратил на муштру Игоря собственное личное время с нескрываемым энтузиазмом дорвавшегося до издевательств маньяка. Какая уж тут семья! Кто поведётся на такого монстра — Игорь бы не отказался взглянуть на такую умалишённую из сугубо профессионального интереса. Глядишь, можно будет переквалифицироваться в психиатры и защитить диссертацию.

Поначалу Игорь было решил, что у инструктора зуб на военврачей после какой-нибудь контузии или тяжёлого ранения, за которым последовали фантомные боли. Но очень быстро выяснилось, что объектом своего педагогического трудолюбия из всей учебной группы сей злобный подполковник выбрал одного лишь Игоря. Всех остальных отстающих он гнобить не забывал, но делал это лишь в отведённые для занятий часы. А вот Игорь с первого и до крайнего дня переподготовки зависал на полигоне до наступления темноты и немного после. И ведь никак не откажешься — это в твоих же интересах... Приходится терпеть и впахивать до седьмого пота, чтобы эти интересы не пошли прахом. А они пойдут, если головорез не поставит ему зачёт без ограничений.

А ведь всё так хорошо начиналось! В родном Архангельске, из которого Игорь по молодости ни разу никуда не выезжал, он окончил школу с неплохими баллами. Не лучше всех, но очень даже неплохо — сыграло на руку увлечение химией, олимпиаду по которой он выиграл. Мать хотела, чтобы сын стал трейдером и выбрался из нищеты хотя бы сам, но с математикой у Игоря всегда было неважно, а с комбинаторикой и вовсе полный аут. Шансов поступить на трейдера имелось немного, а изучать этот процесс самостоятельно у Игоря интереса не было. Из-за чего мать постоянно на него ругалась. Тогда отец посоветовал поступить в медицинский, причём неожиданно в военный. Сам отец никогда военным не был и в армии не служил, ибо здоровьем не отличался вовсе, но всегда об этом жалел и военные ему очень импонировали.

В итоге Игорь подал документы в лучший медицинский вуз страны, Военно-Медицинскую Академию имени Путина в Санкт-Петербурге. Конкурс туда был совершенно немаленький, но победители олимпиад шли по отдельному конкурсу, было их немного и Игоря зачислили без особых проволочек. Разве что физподготовку он едва не завалил, но кто-то в приёмной комиссии благоразумно счёл, что в процессе службы будущего военврача натаскают бегать и подтягиваться на перекладине в пределах разумного. В конце концов военврач нужен не для этого, от него требуются другие умения. Вот бы

ещё головорез-инструктор понимал столь очевидные вещи, а не вот это вот всё!

В общем, спустя шесть лет обучения в ВМА Игорь окончил вполне успешно и столь же успешно прошёл последующий год интернатуры, год войсковой практики и два года ординатуры. В двадцать семь лет в звании капитана он был направлен для дальнейшего прохождения воинской службы под Иркутск, в санчасть одной из дислоцированных там воинских частей. Где и прослужил крайнюю пару лет, после чего принял решение поступать в адъюнктуру, дабы в будущем иметь возможность сделать карьеру выше, чем состояние вечного подполковника, коим в частности является его головорез-инструктор. Который, вместо того чтобы зарабатывать головой, так увлёкся работой руками, что, похоже, не замечает, как проходит жизнь.

Рапорт, поданный Игорем командованию, в котором он изъявлял желание поступить в адъюнктуру, одобрили достаточно быстро. Однако тут в московских верхах в очередной раз сменилось командование, и новая метла начала по-новому мести. Что выразилось в потоке нововведений, одним из которых стало требование к военным медикам, желающим поступить в адъюнктуру: в связи с опытом, накопленным в ходе текущего вооружённого конфликта, каждый соискатель обязан пройти курс боевой переподготовки. Иначе никакой адъюнктуры, мол, военврачи должны быть лучше подготовлены к ведению боевых действий, и соответствующие корректировки уже вносятся в учебный процесс профильных армейских вузов.

Против переподготовки Игорь ничего не имел и подал рапорт с просьбой о направлении на вышеуказанные курсы. В результате его прислали сюда, под Москву, в секретный Центр подготовки спецназа ГРУ МО РФ, недавно вновь переименованного в ГРУ из ГУ, коим оно Управлением было ранее. Переподготовка должна была продлиться всего две недели, и Игорь рассчитывал за эти дни в свободное после занятий время покататься по Москве и поглазеть на огромную столицу нашей необъятной. Но не тут-то было. Ибо маньяк в подполковничьих погонах, назначенный инструктором по боевой

подготовке в их сводную учебную группу, с первого же занятия принялся муштровать Игоря с утра до ночи.

Началось всё с того, что во время боевых стрельб Игорь показал довольно посредственный результат. Отдельно стоит подчеркнуть, что посредственный — это не хуже всех. Но маньяк-головорез докопался именно до него. И с того момента всё и вся на учебных занятиях демонстрировалось и отработывалось инструктором исключительно на примере Игоря. За первые пять дней Игорь выпустил патронов больше, чем за всю свою армейскую карьеру, включая Военно-Медицинскую Академию. Когда занятия заканчивались, инструктор отпускал восвояси всю группу, кроме Игоря, и гнал его обратно на полигон, запуская по огневым рубежам и полосе препятствий в качестве наказания за допущенные промахи. Отдыхать Игоря злобный подпол отпускал только после двадцати ноль-ноль, и то обстоятельство, что оба они оставались без обеда, маньяка нисколько не беспокоило.

— Заткнись, капитан, — лениво цедил сквозь зубы инструктор в ответ на попытки Игоря с медицинской точки зрения объяснить ему вред подобного графика приёмов пищи. — У тебя нет времени жрать, тебе дано всего две недели на то, что нормальные люди отработывают годами. Иначе не получишь свой сраный зачёт. На исходную! Бегом марш!

Приходилось терпеть. И заодно приучиться всегда держать встроенную в тактическую разгрузку флягу заново наполненной. Хорошо хоть тренировать Игоря терпеть жажду злобному подполу в голову не пришло. И на том спасибо. В общем, к исходу недели Игорь стрелял значительно лучше и грубых ошибок не допускал. Но это маньяку показалось то ли слишком мало, то ли слишком быстро, и с понедельника его пытливый ум нашёл новый способ душить своего любимого ученика.

— Даю вводную! — Инструктор бесцеремонно отобрал у Игоря автомат, выхватил нож и несколькими ударами рукояти сбил с оружия сначала коллиматорный, а затем и электронный прицелы. — В ходе боя электронные прицельные устройства накрыло потоком осколков, в результате чего они были полностью уничтожены.

С этими словами инструктор красноречиво пнул лежащие на земле прицелы, отправляя их куда-то подальше. Судя по удивлённым физиономиям учебной группы, не только Игорь офигел от этой его выходки. Прицелы реально разбились от ударов, и маньяк-головорез даже не потрудился подобрать и сдать на склад РАВ казённое имущество, как положено.

— Ваше подразделение находится в окружении, ЗИПы отсутствуют, запасные прицелы взять неоткуда, — продолжил злобный подпол, буравя Игоря пронзительным взглядом, будто размышлял, а не вlepить ли бестолковому бойцу затрещину. — Поэтому дальше вести огонь тебе придётся при помощи механических прицельных приспособлений. Капитан медицинской службы Лесников! К бою!

Через механический прицел в две тысячи семьдесят втором году стреляют только идиоты, киногерои и ещё, быть может, какие-нибудь стендовики по тарелочкам. Для всех остальных научно-технический прогресс создал широкий выбор электронно-оптических прицельных приспособлений, обеспечивающий гораздо более высокую скорость прицеливания и точность попадания. Неудивительно, что с первого раза Игорь поразить мишень не смог. Автомат оказался не пристрелян по механическим прицельным приспособлениям, и ему пришлось сперва выслушать лекцию на тему ручной пристрелки оружия, а затем остаться после занятий для отработки данного умения. И всех прочих. С того дня Игорь стрелял посредством мушки и целика, причём единственный из всей сводной учебной группы. Остальным повезло больше.

Но самое главное разочарование ожидало его за трое суток до окончания обучения. В тот день их группа приступила к отработке элементов альпинистской подготовки: простейшие спуск и подъём по фасаду разбитого высотного здания. Краткий курс данной подготовки являлся ознакомительным и включал в себя отработку базовых навыков: надевание и правильная подгонка снаряжения, работу с основными рабочими приспособлениями, несложный спуск с высоты десятого этажа и относительно несложный подъём на высоту пятого этажа. Сразу же выяснилось два момента: что ни у кого в сводной

группе подобного опыта нет и что Игорь несколько побаивается высоты.

Второе злобному подполу оказалось гораздо ближе к сердцу, нежели первое. Три дня он гонял Игоря по фасаду учебной многоэтажки вверх-вниз, не забывая в сверхурочные часы запускать его на огневой рубеж и на полосу препятствий в качестве наказания за допущенные ошибки. Но это было ещё не всё. В полдень субботы, когда курс спецподготовки подошёл к концу, на торжественном построении сводной учебной группы все получили зачёт и соответствующие электронные документы. Кроме Игоря.

— Капитан медицинской службы Лесников зачёт не сдал! — счастливо-злобным тоном объявил головорез. — Остальных поздравляю с окончанием обучения и желаю успешной службы. Все прочие файлы получите в штабе Спеццентра. Господа офицеры! Все свободны!

— Как это — не сдал?! — опешил Игорь, не сразу поверив своим ушам. — Товарищ подполковник! Курс переподготовки завершён, что значит «не сдал»?! Это что, очередной прикол, блин?!!

— Ты испытываешь чрезмерный страх, когда спускаешься с высотки по тросу, — на этот раз тон злобного подполя нёс нотки утомления. — И стрельбу через механический прицел в движении тебе необходимо отработать дополнительно, мажешь слишком часто. Так что завтра в девять ноль-ноль жду тебя на полигоне. Даю тебе три дня на всё про всё, капитан! В среду пересдача. Свободен!

Это было уже слишком, и Игорь пошёл в штаб Спеццентра жаловаться на вконец обнаглевшего подполковника. Однако в штабе его ожидало разочарование. И довольно неожиданное объяснение.

— Повлиять на решение вашего инструктора я не могу, товарищ капитан. — Замначальника Спеццентра даже не скрывал унылой гримасы. — Этот офицер у нас временно. Его прислали сюда на период реабилитационного восстановления после ранения. Прямым приказом сверху. Фактически он подчиняется нам сугубо номинально. К тому же работу

свою делает очень хорошо, с исключительной самоотдачей и использованием собственного богатого боевого опыта. Что я должен поставить ему в вину? Вашу боязнь высоты? Поломку прицелов? По этому поводу мы проведём разбирательства, но это никак не относится к вашей несдаче зачёта. Что ещё я могу ему вменить? Сверхурочную работу по вашей подготовке за счёт собственного личного времени?

— Демонстративное предвзятое отношение! — Игорь попытался возмутиться. — Один из ваших офицеров по секрету сообщил мне, что этот инструктор всегда цепляется к светлоглазым!

— Во-первых, не к светлоглазым, а к светлоглазым и светловолосым одновременно, — со вздохом терпеливого учителя поправил его замначальника Спеццентра. — Во-вторых, тот, кто вам сообщил это по секрету, готов заявить об этом официально?

— Не готов... — Игорь насупился. — Он сразу об этом сказал...

— Тогда о чём речь? — Вопрос старшего офицера являлся сугубо риторическим. — Послушайте, Игорь... — замначальника скосил угольно-чёрные глаза на занимающий половину стены кабинета встроенный монитор, одно из окон которого в настоящий момент демонстрировало личное дело Игоря, — Олегович. Предлагаю самый простой способ решения вашей проблемы: задержитесь у нас на эти трое суток, соответствующие распоряжения интендантской службе я дам. Потренируетесь, это никогда не лишне, вам ли не знать, вы же военврач! И в среду сдадите зачёт. Уверен, ваш инструктор прекрасно понимает, что уехать от нас без диплома вы не можете. Со своей стороны обещаю провести с ним беседу. Не думаю, что вы рискуете не сдать что-либо в среду. Мы поняли друг друга, товарищ капитан?

Выхода не было, пришлось согласиться. Последующие трое суток Игорь с девяти утра и до девяти вечера тренировался проводить пристрелку механических прицельных приспособлений подручными средствами, стрелял с механики и лазал по фасаду высотки на десятый этаж и обратно, попутно делая забеги по

тактической полосе препятствий, имитирующей то город, то зелёнку. К моменту отхода ко сну руки-ноги едва шевелились, и он едва ли не мгновенно проваливался в сон с мыслью, что в среду, если злобный подпол устроит ему ещё какое-нибудь издевательство, Игорь его точно убьёт. Если сможет. Потому что головорез-инструктор здоровенный жлоб. Бьёт и стреляет очень быстро, даже странно для его возраста. По идее ему давно за сорок, скорость должна падать в такие лета, а за ним не угнаться...

Казалось, что эти трое суток никогда не закончатся. Но сегодня наконец-то настала среда, и из своего кубрика в офицерском общежитии Спеццентра Игорь выходил, обуреваемый подозрениями и ожиданиями очередного подвоха. Первые тревожные признаки обнаружались в первую же минуту экзамена: ровно в девять ноль-ноль Игорь стоял на огневом рубеже в полном боевом, но маньяка-инструктора нигде не было. Обычно злобный подпол обнаруживался здесь заранее. Выждав пару минут, Игорь вышел в радиоэфир и попытался вызвать головореза по рации:

— Тринадцатый, Тринадцатый, я — Йод, приём!

Позывной у маньяка был ещё тот. Только целиком странный на всю неоднократно контуженную голову человек может взять себе такой позывной. Игорь никогда особо суеверным не был, но со смертью не шутят и назваться приносящим несчастье числом он точно бы не рискнул. И вряд ли кто-то бы не понял. А вот есть ли кто-то, кто понял злобного подпола, — это очень большой вопрос! Как он вообще до сих пор жив с таким позывным, да ещё спустя десять лет постоянных войн? Наверное, потому, что приносит несчастье всем вокруг!

— Я — Тринадцатый, — радиоэфир откликнулся знакомым злобным голосом. — Я на крыше высотки. Жду тебя с секундомером в руках. Как принял меня, Йод?

— Принял, — вздохнул Игорь, направляясь в сторону тактического сектора.

Он был уверен, что без финального издеательства напоследок не обойдётся. Так и вышло. Макет высотки насчитывает шестнадцать этажей. До сих пор ему приходилось лазать по

стене только на десятый. Но в день экзамена задача внезапно усложнилась. Вообще не удивляет! Игорь уже не сомневается, что это не единственное усложнение.

В секторе городского боя было пусто, занятия не проводились по причине отсутствия занимающихся. Предыдущие учебные группы, в одну из которых входил Игорь, окончили курс переподготовки и разъехались, следующие начнут прибывать к воскресенью. Восстановительные работы в секторе завершились вчера, и Игорь надеялся, что многочисленные видеодатчики, которыми напичкан сектор, не отключили на эти дни. Иначе сложно будет доказать, что он сдал зачёт, если злобному головорезу опять что-то не понравится.

Инструктора Игорь заметил сразу, едва приблизился к высотке на полсотню метров. Подполковник стоял на крыше и смотрел на него сверху вниз, видимо, с такой высоты он видел приближающегося Игоря издалека. Судя по снаряжению, сам головорез тоже влезал на крышу при помощи альпинистского снаряжения. А ведь мог бы, как нормальный человек, спокойно забраться пешком по лестнице. Это хоть и напряжно, но уж точно не так геморно, как лезть шестнадцать этажей по фасаду. Нет, он однозначно ненормальный, это точно. Едва добравшись до подножия высотки, Игорь услышал в эфире до боли знакомое:

— Йод, время пошло!

Взбираться вверх по стене было уже не в новинку, но стоило неосторожно бросить взгляд вниз и увидеть под собой пропасть, тут же накатывали страх и головокружение. Приходилось замирать, успокаиваться и только после этого возобновлять подъём. Игорь тщательно следил за тем, чтобы смотреть исключительно вверх или прямо перед собой, но время от времени взгляд всё равно натывался на пропасть, если было необходимо снять с подвески очередной френд или пневмопистолет для перезаякоривания пневмо-кошки. В этот момент резкий приступ страха возвращался, и вновь приходилось успокаивать взвинченные нервы, замерев и закрыв глаза.

По собственным ощущениям, до крыши Игорь добирался целую вечность. Судя по сонному взгляду маньяка-инструк-

тора, вдвое дольше. Увидев появившуюся над верхним обрезом стены голову Игоря, головорез вперил в него свой злобно-пронзительный взгляд и неожиданно подал руку. Подполковник молча затащил его на крышу и без каких-либо эмоций заявил:

— В норматив ты не уложился дважды. Но хотя бы залез, это уже хорошо.

Он указал на лежащий неподалёку автомат и перевёл руку в сторону улицы, указывая на едва виднеющиеся вдали мишени:

— Три цели. Одна на крыше ближайшего здания, вторая в окне пятого этажа здания слева, третья — у подножия здания справа. Задача: поразить каждую цель минимум двумя патронами. У тебя один неполный магазин. Действуй.

Пытаясь отдышаться на ходу, Игорь побрёл к лежащему автомату, на ходу обдумывая полученную задачу и пытаясь определить, в чём подвох. В том, что подвох есть, зная злобного подпола, сомневаться не приходилось. Может, «один неполный магазин» — это как раз ровно шесть патронов? Игорь поднял оружие и первым делом отсоединил магазин, проверяя боезапас. Вообще в наше время на вооружении стоят отличные образцы стрелкового оружия, напичканные сложными электронными системами, надёжными и хорошо экранированными. Такое оружие редко промахивается, и по стоячим мишеням на дистанциях до шестисот метров оно однозначно попадёт.

Точнее, попало бы. Если бы имелось. Потому что их сводную учебную группу злобный инструктор с самого начала вооружил старыми автоматами Калашникова, выпущенными полвека назад. Автоматы эти были оборудованы навесными электронными прицелами, отлично показывающими себя в любую погоду и время суток, но само оружие по своим ТТХ значительно уступало современным образцам. В настоящее время оно уже не использовалось и хранилось на складах РАВ воинских частей исключительно на случай массированного применения противником ЭМИ-боеприпасов. Теоретически такое возможно.

Практически же — очень вряд ли, потому что, во-первых, электроника боевого стрелкового оружия действительно